

С.В. Волошина, М.А. Толстова

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СТЫД» В ЖЕНСКОМ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛЕКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ)

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект №19-412-700001p_a «Автобиографические практики как способ отражения социокультурных процессов региона»).

Описывается концепт «стыд», функционирующий в женских диалектных автобиографических рассказах, записанных с середины XX в. по настоящее время на территории Томской области. Выявлено, что в крестьянской культуре стыд – это смущение, неловкость, позор, тесно связанные с физической, телесной составляющей человека. Наиболее часто стыду подвергается внешний вид женщины, ее отношения с мужчинами, нежелание работать. Трансформации в содержании концепта «стыд» обусловлены временными и пространственными изменениями.

Ключевые слова: стыд; концепт; автобиографический рассказ; гендер; дискурс; диалект; говоры Среднего Приобья.

Концепт «стыд» – один из важнейших лингвокультурных концептов. Его специфика объясняется сложностью феномена стыда, его социально-психологической природой, связью с социализацией человека, зависимостью от культурных и исторических факторов, репрезентацией вербальными и невербальными средствами. Вследствие этого стыд является объектом исследований психологов, философов, социологов, антропологов, историков, культурологов, литературоведов, лингвистов и т.д.

Целью данной статьи является лингвистическое описание концепта «Стыд», функционирующего в женском диалектном автобиографическом дискурсе. Это исследование выполняется в рамках проекта, посвященного многоаспектному изучению разных автобиографических практик (устных и письменных, официальных и неофициальных), в задачи которого входит определение в них общего и специфического: выявление набора концептов, уточнение жанровых доминант и гендерных особенностей. В данной работе впервые рассматривается концепт «Стыд» на материале женских диалектных автобиографических рассказов.

Для начала рассмотрим исследование феномена стыда в разных гуманитарных науках.

В психологии *стыд* включают в число десяти базовых эмоций (наряду с *радостью, печалью, гневом, отвращением, презрением, страхом, виной, удивлением, интересом*), которые образуют мотивационную систему существования человека [1]. За феноменом стыда закрепляется связь с определенными когнитивными процессами, в центре которых находится представление о сформировавшемся «Я» человека. Е.П. Ильин относит стыд к коммуникативным эмоциям. Исследователь утверждает, что стыд – одна из сильных эмоций, испытываемых человеком и поглощающих его полностью, это социальная эмоция, связанная со страхом и тревогой [2]. Изучая специфику переживания стыда у лиц с различными социально-психологическими характеристиками, исследователи указывают на то, что в большей степени его склонны испытывать женщины и представители старшего поколения [3].

В философии, культурологии стыд рассматривается как одна из базовых культурных универсалий, так как он позволяет раскрыть сущность нравственной природы человека [4]. Говоря о стыде, исследователи отмечают его способность выступать регулятором социального поведения, механизмом социального контроля, указывают на его социальность, обусловленность эпохой, типом культуры и разными культурными факторами [5–10] и многим другим.

В антропологических исследованиях стыд и вина рассматриваются как основания для типологии разных культур. Так, Р. Бенедикт противопоставляет западные культуры вины и восточные культуры стыда (наиболее типичная – японская культура) [11]. Стыд изучается как одна из важнейших характеристик русского менталитета [9, 4], как ключевой концепт русской языковой картины мира и нравственная категория русского культурного сознания [12]. Р.Е. Гергилов отмечает, что «чем меньше сообщества по величине, тем чаще, а чем крупнее, – тем реже его члены проявляют чувство стыда» [6. С. 63–64]. В этом смысле к культуре стыда, вероятно, относится и крестьянская культура. По мнению Т.Г. Стефаненко, «в культурах, регулируемых стыдом, наказание за незначительные проступки нередко сводилось к публичному увещанию. Если мир в русской деревне считал, что поступки члена общины запятнали репутацию всего селения, то сход занимался его «улучшением», как это называлось в Ярославской губернии (Громыко, 1986). Но еще чаще наказание, как и в японских школах, было символическим: наказывали стыдом. В русской деревне стыдом наказывали девушек за потерю чести: мазали дегтем ворота, подрезали косу, поднимали подол» [13].

С лингвистической точки зрения концепт «стыд» является хорошо изученным. О.Н. Боголюбова и Е.В. Киселева отмечают, что «исследования стыда практически не представлены в отечественной психологии. Поиск публикаций по ключевому слову “стыд” по базе данных РИНЦ продемонстрировал, что тема стыда исследуется практически исключительно лингвистами» [8. С. 41]. Так, лингвистическое исследова-

ние концепта «стыд» проведено на материале поэтического дискурса [14, 15], прозаических произведений [16]; современной российской прессы и политических интернет-порталов [17]; пословиц, поговорок, фразеологизмов [18] и т.д. Исследователи обращались к выявлению средств репрезентации изучаемого концепта [19–21], определению его специфики через сопоставление и изучение отдельных лингвокультур: русской и немецкой [22]; русской, польской и чешской [23]; русской и английской [24]; удмуртской [25], русской и китайской [18] и др.

Мы обратили внимание на функционирование концепта «стыд» в диалектном автобиографическом дискурсе. Выбор данного типа дискурса обусловлен тем, что диалект – это особый тип речевой культуры, в нем по-особому реализуются ключевые концепты. Поскольку стыд обусловлен типом культуры и ее факторами, мы полагаем, что в изучаемом концепте в том числе отражается специфика сельского мировоззрения, отличного от городского. Вместе с тем женские тексты были выбраны потому, что в располагаемом нами материале большая часть информантов – женщины. Носителями диалекта чаще всего являются пожилые женщины, которые всю жизнь безвыездно прожили в селе / деревне. Как отмечают исследователи, изучающие речь одного диалектоносителя, составляющие речевые портреты диалектных языковых личностей, информанты-мужчины единичны, потому что, с одной стороны, срок жизни мужчин короче, и традиционно в диалектологии считается, что степень сохранности диалектных черт у них меньше, чем у женщин. С другой стороны, собирателями материала обычно являются женщины, и им проще выстроить коммуникацию с информантами того же пола [26, 27]. Концепт «стыд» в данной ситуации общения выполняет одну из ключевых функций, поскольку участвует в реализации коммуникативной стратегии самопрезентации – важнейшей для автобиографического дискурса: женщина-информант желает представить себя в лучшем свете перед представителем другой, городской культуры, неким, по ее мнению, выразителем общественного мнения. Кроме этого, мы располагаем диалектными текстами, записанными с 1940-х гг. до 2018 г., большая часть из которых является женскими и носит автобиографический характер. В них отражаются трансформации крестьянских представлений о стыде, его причинах, изменении роли женщины в семье и обществе в целом. Исторические и социальные процессы и явления XX в. влияют не только на жизнь женщины, но и на ее идентичность, на представления о стыде, оценках поведения человека.

Таким образом, в настоящей работе гендерный фактор рассматривается как один из параметров, влияющих на специфику представлений о стыде. Кроме пола информанта важными являются следующие параметры: возраст, территориальная обусловленность.

Источником исследования выступает Томский диалектный корпус (<http://losl.tsu.ru/corpus>), содержащий 1 003 диалектных текста, из которых 717 являются женскими. Корпус включает тексты – материалы диалектологических экспедиций, осуществленных в села Среднеобского бассейна с 1947 по 2019 г. Записи

диалектной речи производились и авторами данной работы с 2008 г. по 2019 г. Информантами являются женщины в возрасте от 55 лет.

Мы считаем, что исследование данного концепта позволит получить новые знания не только в области его функционирования, но и о диалектной языковой картине мира, автобиографическом дискурсе в целом и о диалектном автобиографическом дискурсе, в частности о концептах, функционирующих в нем, средствах их репрезентации. Исследование концепта «стыд» на материале диалектных автобиографических рассказов служит изучению феномена идентичности и самоидентификации как актуальных объектов современных гуманитарных наук. Результаты его исследования расширяют представления о дискурсивной специфике реализации концептов, в частности концепта «стыд».

Исследуя концепт «стыд», мы исходим из понимания его как единицы сознания, которая проявляется не только невербально (мимикой, жестами), но и средствами языка. В структуре концепта вслед за сложившейся в концептологии традицией – методикой описания концептов – мы выделяем понятийный, образный, аксиологический слои [28. С. 107]. Из исследуемых текстов выбирались контексты с лексемой «стыд» и ее дериватами, а также контексты, в которых ситуация стыда проявляется другими номинациями. В выявленных контекстах анализировалась сочетаемость этих лексем, их системные связи (антонимические, синонимические отношения), рассматривалась семантика этих единиц и высказываний в целом. То есть содержательная сторона концепта моделировалась с использованием контекстуального анализа, мы рассматривали функционирование обозначенных единиц в контексте.

Понятийный слой концепта «стыд»

По данным сибирских диалектных словарей [29], стыд – это: 1. Чувство сильного смущения, неловкости: *У меня от **стыда** вся спина красна*; 2. Позор, бесчестье: *Раньше за позор, за **стыд** считали, что девочка вино выпила или курила*; 3. Интимные места тела: *И у его [артиста балета] так **стыд** весь от, как ешь, а Валя гыт: «Обтягиваются». Я говорю: «Вот то-то и ешь, я удивилась до гробу: не обтянуто»*. Приведенные контексты подтверждают многозначность данной лексической единицы.

В качестве единиц, участвующих в репрезентации исследуемого концепта, выступает слово **стыд** и его дериваты: лексические единицы: **стыдоба, стыдовище, стыдно, стыдить, стыдиться, стыдливый**: *Всяк старался [работать]. Опять же **стыдоба** у каждого есть; Беда и **стыдовище**, ну совестно; Я говорю: «Оиньки, пузырь-то разобьете». Надо сказать «стекло» в лампе! Ой! Убежала на улицу, да там все время от **стыда** была; Май мне вот этими всякими бумажками высказался в любви, а мне было так **стыдно** [смеется], это вообще ужас какой-то, невозможно; Я говорю: ой-ой, думаю, не дай бог, деревня же, увидят, так куда это я поехала на мотоцикле. Не-не-не-не-не, нет-нет, езжайте, езжайте, мне*

стыдно до безумия, потом...; *Не стыдится* ницё девочек. Девочки *стыдят* его: «Не надо, не надо, Андрюша», а он: «Как пуговички!»; *Стыдится* – *стыдливый* человек, который сказать слово и то *стыдится*.

Синонимичными названным единицам являются лексемы: **позор, клеймо, срам / страм, страмота, стыд-страм** [30. С. 286]: Раньше если гуляешь, знаете это что. Прямо *стыд, позор*, выведут в одной сорочке да еще и повертят тебя...; Раньше на свадьбе к дуге лошади колокольцы привязывали, а если на шее лошади колокольцы – *позор* невесте. // Все пьют, это что такое за *срам!* // Я говорю: это чё тако? Это *страм* же детям, детям-то [смотреть]; Ой, *кака страмота!* Кака погань [о внучке]; А девушка – косу заплетёт, ленточку вплетёт, а две нельзя – это как баба, *стыд-страм; совестно, позорно, неудобно*: Дак им как не *совестно-то*, правда? Разберёшься-то, верно? Они ж сдают по пейсят копеек?; Раньше ведь было *позорно* с длинными-то волосами перед людьми ходить, да и перед своими тоже; Да мы просто уж... нам... тут в своей деревне, вроде всё на виду – *неудобно* своих....; *совеститься, позориться, страмить, выстрамить*: Ну чтоб рубаху видно было, мы бы *совестились*. Раньше совестливей были; А по телевизору будут меня показывать? Не надо, не надо. Я страшная такая, зачем я буду *позориться*; За добро, что он меня *страмил*. Я у них то украла, я у них то украла, а езди бы разобрались, – я как родилась – иголочку не брала; Свою бабу *выстрамил* всяко; Шесь одельев только увёз. *Выстрамила* я его в письме.

Стыд – это сильная эмоция, которая влияет на физическое состояние человека: Ну и вызвали ее на суд. Там судья спрашивал, ругал. Ругал, а она – бух! *От стыда в оморок упала*. Ну посовестили. Поскольку одним из физиологических проявлений стыда является покраснение лица, то репрезентантами изучаемого концепта является глагол **краснеть** и образованные от него единицы **краснеться, закраснеть**: Бывало наберутся, приедут от венца и бегут смотреть молодых. Невеста-то *краснеется*, подружки тут, поют бывало; Побольше-то стесняются же маленько. Одна говорит: «А я из городу, я ничья, я в гости приехала». Ее тоже заставили песни петь. И она спела. ...И сама сразу вроде как *закраснела*.

Антонимичными для слов, участвующих в репрезентации концепта «стыд», являются лексемы **бесстыдство, бесстыжество, бесстыжий, бесстыдный, бестыдник (-ца)**: Раньше в юбках купались. Нет, щас худо. Это никуда не годно. Дык хышь и можно куда пойти посидеть. *Стыда нет, бесстыдница*. Кабы моя дочь, все бы космы выдрала; Я очень хорошо голову свою носила. Раньше ведь было позорно с длинными-то волосами перед людьми ходить, да и перед своими тоже. Я маленька помню еще была, эту Библию взрослые читали, и мы с матерью тут сидели, и написано там, что будут девицы ходить по улице, и будут девицы *бесстыдные* <лицы>. Как волосы сейчас носите. А мне тогдашибко странно было это слышать, даже страшно немного. Раньше платок после бани носишь, пока не расчешешь. Даже перед своими не смеешь безголовой пройти; *Бесстыже-*

ство есть, беззаконство есть? Как скотина люди стали... Раньше мы купались, парни там купались, а мы здесь. Щас вон она вынарядилась и пошла похаживать, а раньше этого не было. Обозначенные лексемы репрезентируют концепт «стыд», поскольку позволяют восстановить другой член оппозиции **стыд / бесстыдство**, реконструировать, что является постыдным в крестьянской культуре.

Анализ контекстов, в которых функционирует лексема «стыд», ее синонимы и дериваты, показывает, что они могут сочетаться с глаголами с перцептивной семантикой и глаголами говорения (видеть / смотреть; говорить / сказать): Я старуха, а гляжу, идёт девчонка. Вот так у ей плавочка, и вот тут сделано. Я говорю: мне *стыдно на тебя глядеть*, зачем так делашь; Он на тринадцать лет был старше меня, на четырнадцать. Ну и что, конечно, как Вам сказать... Мне и *стыдно говорить* это... И забеременела я. А мне уже было, когда это пришло, четыре зимы работала, на кирпичках двенадцать лет работала; *Стыдно сказать* и грех – утаить, мама моя прижила двадцать одного ребенка.

Наряду с рассмотренными контекстами, в которых встречаются названные лексемы, можно отметить фрагменты, репрезентирующие ситуацию стыда, но не номинирующие ее: Семья-то большая. Всех обстирать надо, чтобы чисты ходили, а то ведь люди засмеют, скажут, что плохая хозяйка, неряха, семью обстирать даже не можешь; А вот пойдешь, ты вместе и идешь вместе – парень и девка – вместе мы все ходили. Ну и вот тут как-то и как познакомился и все. И вот и начал, вот он ходит за тобой без конца: «Пойдём туда, пойдём сюда». Но такой не было истории, как сейцяс творится. Это бы я пошла в чужую квартиру в кладовку с парнем спать. [Вот раньше же тоже были «плохие девушки»?] Да, были. [Вот какие они были?] Также так же рожали детей, не замужем и рожали вот. Но их тогда, колхозные собранья были, их на собрании ругали, и всё председатель, всяко. Как отмечают исследователи, концепт не имеет обязательной связи со словом или другими единицами языка, наличие или отсутствие вербализации концепта не влияет на реальность его существования в сознании как единицы мышления [31. С. 8]. Например, при исследовании вербализации концепта «традиция» в диалектном языке Г.В. Калиткина заметила, что этот концепт не имеет имени «традиция» [32].

Анализ лексических единиц и контекстов, репрезентирующих концепт «стыд», их синонимов и антонимов подтверждает мысль о том, что стыд – это, с одной стороны, смущение, неловкость, с другой стороны, это позор, осуждение другими людьми, обществом при нарушении установленных норм поведения. Кроме этого, контексты показывают, что стыд – это прежде всего социальная эмоция, предполагающая для ее возникновения наличие следующих компонентов: 1) того, кто переживает ее, 2) какого-то объекта, факта или осуждаемого поведения, не соответствующих общественным нормам, 3) кого-то другого, служащего выразителем общественного мнения. В качестве этого другого может быть другой человек,

группа людей, общество, а также сам человек, который стыдится и осуждает себя. Как отмечает Е.П. Ильин, «испытывать стыд можно и тогда, когда человек только представляет себе, как он мог бы опозориться, если бы «это» увидели другие люди. В данном случае никто не знает о совершенном неблагоприятном поступке или пикантной ситуации, в которой оказался человек, а стыд все равно появляется» [33. С. 122].

Зная социальные нормы, говорящий может осознать себя пристыженным, ему может быть стыдно, если кто-то заметил, увидел его нарушающим эти нормы и т.п.: *По вечерам всё прями. Когда мама отпустит погулять, кода нет. Кавалер придёт отпрашиват у матери и у отца девку погулять. Кода пустят, кода нет. А так стеснялись с парнями по деревне идти. Все ведь друг друга знают в деревне. Если уже идёшь, так задами. Казалось стыдно, если тебя с парнем увидят.*

Кроме того, своими действиями можно опозорить других людей: семью, родителей: *Мы с ним гуляли. Полтора месяца прожила [с мужем] да убежала. Он приехал за мной. Хотела себя травить и его травить. Тогда был случай [убегали жены]. Отцу и матери позор сделала. Когда сбежала, не стала бояться их. Он приезжал, просил. «Меня отдавали насильно, я тебя не люблю»; [А во сколько лет замуж выходили?] В двадцать-двадцать два, не раньше восемнадцати лет, если моложе, выскочкой считали. Если девка нечестная замуж выходит, то повешают ведра дырявые, тряпки, страмоту наделают её родителям, за то что дочь така.*

Наказание могло быть публичным, символами позора выступали, например, ворота, измазанные дегтем, железная бочка и др.: *Уродила в девках, бывало, парень обманул. Стыдом большим было. Раньше таким самокруткам ворота дёхтем мазали; Да, тогда нельзя было. Это было позорно. И могли измазать дегтем ворота, что здесь такая-то живёт прости Господи; А мне всё-то... я в детстве помню, всё говорили... Раньше же мало воровали, а я... [жила] пятнадцать километров отсюда, у нас деревня была маленькая... И двое там чё-то взяли... ну, в своей же деревне украли. Дак привязали бочку железню – привязали, и на их на шею. И чтоб они за руку взялись, и эта бочка гремит, по бочке стукат, чтоб... стар и мал, все чтоб видели, что они это... ну, как вроде позор и... ну, как сами расправлялись.*

Исследуемый материал (записи с 1948 по 2018 г.) позволяет проследить социокультурную динамику и в связи с этим трансформацию представлений о стыде, которые эксплицируются с помощью конструкций «раньше... сейчас», «тогда... теперь». Представители старшего поколения сравнивают себя и современное поколение, и критерием этого сопоставления становится в том числе стыд, позор: *А теперь идут матеряты, лаютя, стоят на остановке целуются, обнимаются, дак это чё? Никого, ничё, никакого стыда не стало. [Вздыхает] Ой. И вот так. Для молодёжи, конечно, может, это всё и хорошо, а нам как старым кажется, что вроде не так; Раньше лёлка за невесту ручается, что она честная. На лёлку хомут наденут, если соврёт. Раньше позор был, а счас*

без позору. Молодёжь бессовестная стала: ни уважению, ни приглашению.

Переживание чувства стыда или его отсутствие, по мнению диалектоносителей, связано с воспитанием, с социальной политикой государства: *Это идёт все по Писанию. Раньше у нас тётка жила, была. Она Евангиле читала, вот я тогда ничё не понимала, теперь вспоминаю. Как они говорили? Во, ребяташки, погодите, белый свет тенётами опутается, стальны будут птицы летать... Будет народ бесстыжий, беззаконствой, как скотина. Стыда не будут признавать, позора не будут никакого признавать. Пойдут, значит, отец на сына, сын на отца, там вот в семью. Оно и есть. Бесстыжество есть, беззаконство есть? Как скотина люди стали. Это нет? Правда. Мне надо вот, выйду на берег, нагляжусь, когда купаются дак, действительно, как скотина. Раньше мы купались, парни там купались, а мы здесь. Счас вон она вынарядилась и пошла похаживать, а раньше этого не было. Хоть не раньше, при советской власти родились. Воспитаны были того духа. Счас атомный век. Стыда-позора нет. Так все говорят. Так оно и есть.*

Таким образом, причинами того, что человек испытывает стыд за себя и за другого могут быть:

– **Отношения между мужчиной и женщиной, среди которых особенно осуждаются добрачные связи, интимные отношения, развод:** *И она приходит ко мне и рассказала, что от какого-то женщина была и рассказала это. Я грю, няня, я жить не буду, я повешусь. Потому что я позора этого потерпеть не буду, у меня два брата, и чтобы, э-э, это было позорно, когда девчонку это там, ну, очень было позорно; Раньше лёлка за невесту ручается, что она честная. На лёлку хомут наденут, если соврёт. Раньше позор был, а счас без позору. Молодёжь бессовестная стала, ни уважению, ни приглашению; А теперь идут матеряты, лаютя, стоят на остановке целуются, обнимаются, дак это чё? Никого, ничё, никакого стыда не стало. Ой. И вот так. Для молодёжи, конечно, может, это всё и хорошо, а нам как старым кажется, что вроде не так; Мы с мальчиками дружили, а родители боялись. Не дай Бог, если увидют. Стыдно же; Убёгом, сколь хошь, и сама вышла. Украдет и увезёт, на третий день идёшь в ноги кланисся. Родители не против, а если и против. Ить раньше стеснялись свекровок; Раньше сватали ходили, рукобитье делали, тоже убегом уводили. Парень с девушкой дружат, а родители не хотят, его ли, её, он её ворует. Договариваются, поехали венчаться и живут. Потом идут мириться. Которых отбирали, которы не успели обвенчаться. Расходиться – этого нет, это божье упаси, чтоб расходиться. Позор на всю деревню.*

– **Внешний вид (одежда, внешность, нагота):** *А на молодёжь посмотришь ужас один. Девки счас как мужики. Не отличишь – все в штанах, все стриженные. Мужики и те красятся. Стыд-то какой. В городе же девки хоть тошшш, а наши так здоровы таки, а иишо штаны натянут, глаза бы не смотрели...; В леспромхозе кода была, а Клавка была, ребяташки колются я говорю: «Клавка, давай наколемся себе»,*

дураки. Я «Поля» наколола [татуировку], колола а мне все читают «Толя», первый мужик у меня Толя был, вот... И наколола и теперь вот готова вырезать всё, а как? [Ну всё уже, на всю жизнь]. **И вот неудобно и стыдно и...** [А что, нормально]. Не-ет, мне... **стыдно**; Нам бывало сколько было, ну лет по десять, а чё, давай ходить в этих, как их сейчас называют-то, купальники. А раньше-то их не было. Рубашки нижни были, оденешь, застегнёшь, во, купальники. **А дед как увидел, как попёр на нас. Так выдрал. И больше чтоб так вышел в ограду, как сейчас выходят, стыдно.** Вот я даже сейчас, уж наглядно всё так, всё равно я к этому привыкнуть не могу. Мы воспитаны не тем духом.

– **Физиологические состояния, особенности:** Ну и что, конечно, как Вам сказать... Мне и стыдно говорить это... и забеременела я; **Потеряла я зубки. И, вроде бы, как сказать, и стыдно про них говорить.** И где положила, не помню, куда, но у меня никто никогда не видел их. Никогда, я их никогда не показывала, потому что как бы ну чтоб меня не забрезговали, ничё. Всё уже выискала, нигде нет.

– **Поведение / поступки:** Так вот моя Татьяна с подружкой ночью залезли в огород к соседям. Решили они ягоду порвать, клубнику. А ночь тёмная, ягоды не видно. Они её больше не рвали, а топтали. Принесли домой поели зелёную, а шкурки от ягоды покидали домой на тротуар. Утром соседка приходит и жалуется мне, что кто-то ночью ягоды топтал. Жалко ей. Говорит, говорит, а я гляжу, в углу двора ошкурки валяются. Она тоже заметила, но ничего не сказала. Ушла. Да, **стыдно было.** Девчонок своих отругала хорошенько, чтобы не повадно было лезть в чужие огороды; Раньше же мало воровали, а я... [жила] пятнадцать километров отсюда, у нас деревня была маленькая... И двое там чё-то взяли... ну, в своей же деревне украли. Дак привязали бочку железу – привязали, и на их на шею. И чтоб они за руку взялись, и эта бочка гремит, по бочке стукать, чтоб... стар и мал, все чтоб видели, что они это... ну, **как вроде позор и...** ну, как сами расправлялись.

– **Лень, нежелание работать:** живёт сын хорошо, правда безденежно, да таперь все так в городе живут. Говорила ему приежжай сюды, хату, корову заведёшь, свиней да и жили бы припеваючи. А что? Нет. Потому что сноха городска кака-то. Ехать в деревню не хочет. Она сюды-то приедет с им на отдых и то боится переломится. Мало что помогут. Хоть бы побелила. А пол мыть начнёт – **срам** единый. Я уж ему говорила, что, говорит, мамаша, у нас кака-то палка, там у их есь, вот они и моют палкой пол. С ума посживали люди.

– **Нечистоплотность и невыполнение домашних обязанностей:** Семья-то большая. Всех обстирать надо, чтобы чисты ходили, а то ведь люди засмеют, скажут, что плохая хозяйка, неряха, семью обстирать даже не можешь; У ей дома безобразия, а я её начинаю ругать, приду кода, а у ней ванна, как в ей мыться-то, а у ей всё такое.

– **Современные танцы, фильмы, песни:** Ну полька, полька-бабочка, краковяк. **А сейчас – страмота.**

Я только люблю, как на льду парень с девкой пляшут – фигурно катание.

– **Семья: Стыдно сказать** и грех – утаить, мама моя прижила двадцать одного ребенка.

– **Материальное положение:** Я б всю деревню бы собрала в гости бы, это самое. Ну и бывало то, что вот к нам. Одна приходит и говорит: «От двести рублей вам хоть на одно бревно». Хоть на одно бревно. Кто ведро тарелок принесёт, бэушные, тарелки. **Я, э-э, вроде бы как, стыдно.** Ну чё, жили нормально. Нормально жили, всё. И вдруг от такое. Тут уже как-то, как-то думаешь, ну, люди несут, и это, и оно всё и пригождалось, всё и это; Не в чем было ходить: **ребята стеснялись, а ребята нас стеснялись,** ни снять, ни одеть, ни покушать; Познакомился и поженился. Это всё мои (фотографии). **Я раньше, прям беда, даже стыдно показывать это.**

– **Выступление на публике:** Побольше-то стесняются же маленько. Одна говорит: «А я из городу, я ничья, я в гости приехала». Её тоже заставили песни петь. И она спела... И сама сразу вроде как **закраснела.**

– **Торговля:** орехи понаделуют, а продавать стыдно.

Таким образом, изучаемый концепт, как показывают контексты, связан с концептами «вина», «мужчина», «женщина», «семья», «работа», «смерть», «жизнь», «богатство», «одежда» и др. Рассмотренные причины, по которым человек переживает стыд в крестьянской культуре, отражают постоянную «оглядку», ориентацию человека на общество, его [общества] оценку. Вместе с тем стыд в крестьянской культуре в основном сосредоточен в сфере физического: связан с выполнением работы, чистоплотностью, телесностью, в то время как в исследованиях, осуществленных на материале литературного языка, художественных или фольклорных текстов, отмечается, что «понятие стыда в русском языке тесно связано с религиозным аспектом и совестью» [18], с некими экзистенциальными смыслами: стыд как ответственность перед людьми и богом, как проявление совести наряду со страхом определяет для русского человека выбор жизненного пути, который понимается как «жизнь по совести» [12].

Образный слой концепта «стыд»

Описание образного слоя концепта предполагает выявление метафорических моделей, репрезентирующих его.

В нашем материале реализуются следующие метафорические модели:

1) стыд – огонь, пожар: А, ну а мне, думаю, ну чё мне так идти, я прямо **со стыда сгораю**;

2) стыд – что-то покрывающее человека: **Если не надеются, что невеста самостоятельная (=девушка), то родители и не придут. Стыдом крыться,** так и ещё хуже будет.

Приведенные контексты показывают, что стыд – это сильная эмоция, влияющая на физическое состояние человека, способная полностью овладеть им. Следует отметить, что таких контекстов в диалектном материале встречается немного;

3) стыд – интимные места тела: *«Взяла вот так всё заголила, у ей стыд-то видать. Все околели... Кто, может, сроду не видал, да посмотрел»*. Подобные примеры эвфемизации подтверждают особое отношение к телесности в традиционной культуре. Как отмечает Л.Г. Гынгазова, «когнитивные модели, базирующиеся на соматических впечатлениях, относятся к числу архаических, глубинных и наиболее устойчивых. В них получает отражение восходящий к дологическому периоду языка мифологический тип мышления. Способом его языковой репрезентации выступают непрямые, косвенные номинации» [34. С. 14].

Аксиологический слой концепта «стыд»

В аксиологическом слое концепта стыд представлен прежде всего как ценностно обусловленная эмоция. Благодаря наличию или отсутствию стыда в той или иной ситуации можно определить ценности, которые существуют в данном обществе. Рассмотренные выше объекты стыда (отношения, семья, внешний вид, чистоплотность и др.) отражают нравственные ценности, которые формируются и проявляются в крестьянской культуре. Так, например, большое количество контекстов связано с внешним видом, одеждой женщин: *На головах почепчик носили. Без платка не ходили, позор был; Забыла в каком году присылали к нам тут студентов. Опять про студентов, про вас говорю... И вот все в магазин заходят, ну деревня, так думают, ладно, тут люди никто. Голы прям, ну вот в плавочках в магазин. Да народ плюётся, мужики плюются, а им хоть бы что. Ну правда стали ругаться, назавтра, смотришь, в магазин никто не пришёл. Если деревня, значит не люди, правда? В го-*

роде же не ходят так? В городе же люди, а здесь чё, не люди. Последний контекст отражает противопоставление городской и деревенской, локальной, культуры, в которой есть свои этические нормы, представления о том, как должна выглядеть женщина в обществе. Деревня, село – это пространство, в котором по сравнению с городом все друг друга знают, и неконвенциональное поведение сразу же находит осуждение.

Многие контексты репрезентируют концепт с помощью высказываний об отношениях между мужчинами и женщинами, добрых связях и изменениях взглядов на них со временем, женские диалектные рассказы высвечивают место и роль женщины в обществе в XX в. Неслучайно таких контекстов в исследуемом материале большинство, поскольку в женских автобиографических рассказах большое внимание уделяется теме замужества, отношений с мужчинами, поведение женщин регламентировано половозрастной стратификацией.

Таким образом, «стыд» – один из ключевых концептов культуры, содержание которого тесно связано с пространством и временем. Изменение отношения к стыду, соответственно, обусловлено временными и пространственными изменениями: то, что считалось постыдным ранее, может перестать быть таковым в другую эпоху. Пространство города и деревни вырабатывает свои нормы: то, что постыдно для деревенского жителя, необязательно является таковым для жителя города. На реализацию составляющих концепта оказывает влияние тип дискурса, в котором он функционирует. Так, в женском диалектном автобиографическом дискурсе стыду подвергается в большей степени физическая составляющая человека, нежели духовная, религиозная.

ЛИТЕРАТУРА

1. Изард К. Психология эмоций : пер. с англ. СПб. : Питер, 1999. 464 с. (Серия «Мастера психологии»).
2. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб. : Питер, 2001. 752 с. (Серия «Мастера психологии»).
3. Горнаева С.В., Смотрова Т.Н. Специфика переживания вины и стыда у лиц с различными социально-психологическими характеристиками // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 3. С. 28.
4. Данилова Ю.Н. Универсалии «совести», «вина» и «стыд» в рефлексии русской философии // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 17 (346). С. 141–145.
5. Горнаева С.В. Вина и стыд в контексте психологической регуляции социального поведения личности // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 2 (33). С. 47–49.
6. Гергилов Р.Е. Культурные детерминанты стыда // Обсерватория культуры. 2014. № 3. С. 107–114. URL: <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2014-0-3-107-114>
7. Смотрова Т.Н., Гриценко В.В. Методические основания кросскультурного исследования феноменов вины и стыда как регуляторов социального поведения // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2014. № 46. С. 191–198.
8. Боголобова О.Н., Киселева Е.В. Переживание стыда: качественный анализ нарративов // Вестник СПбГУ. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2015. № 1. С. 38–52.
9. Карасева Е.В. Чувство стыда как регулятор поведения человека в обществе (на материале произведения М.М. Пришвина «Кашеева цепь») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12–3 (90). С. 529–532.
10. Смотрова Т.Н., Чаплыгина А.А. Вина и стыд как регуляторы социального поведения // Актуальные проблемы безопасности жизнедеятельности и физической культуры : сб. науч. статей факультета физической культуры и безопасности жизнедеятельности. Саратов, 2018. С. 224–230.
11. Бенедикт Р. Хризантема и меч : пер. с англ. М. : Рос. полит. энциклопедия, 2004. 256 с.
12. Плеханова Л.П. Стыд и страх как ключевые концепты русской языковой картины мира и нравственные категории национально-культурного сознания // Придите ко мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас : материалы XIII Междунар. форума «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения» / под. ред. Н.Я. Безбородовой, Н.В. Стюфляевой (отв. редактор). 2018. С. 137–140.
13. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология : учебник. М. : Ин-т психологии РАН; Академический проект, 2000. 320 с.
14. Малахова С.А. Семантическая структура концепта «стыд» в русском поэтическом дискурсе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2008. № 6. С. 80–85.
15. Скляр Е.С. Сравнительная характеристика концептов «смущение» и «стыд» в поэтических текстах А.А. Фета и Ф.И. Тютчева // Курское слово. 2008. № 5. С. 61–67.
16. Красавский Н.А. Эмоциональный концепт «Стыд» в романе Роберта Музиля «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 10 (95). С. 91–95.

17. Колмогорова А.В. Конкуренция и конфликт сложных концептов Гордость и Стыд как когнитивный базис стратегии дискредитации в современной политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 76–83.
18. Погребняк Ю.В., Вань С. Структурно-семантические характеристики концепта «Стыд» в русской и китайской лингвокультурах (на материале пословиц, поговорок и фразеологизмов) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 9–10 (113). С. 96–100.
19. Антонова Л.Е. Языковое воплощение дискомфортных эмоций в современном русском языке (на примере стыда и сомнения) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 17, № 43–1. С. 21–27.
20. Меньшикова С.И. Концепт психического состояния «Стыд» и вербальные средства его выражения // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2007. № 7. С. 56–65.
21. Малахова С.А. Синонимический ряд концепта «Стыд» в русском языке // Альманах современной науки и образования. 2008. № 2–3. С. 147–149.
22. Дженкова Е.А. Концепты «Стыд» и «Вина» в русской и немецкой лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 24 с.
23. Стефанский Е.Е. Стыд как особый вид иррационального страха (на материале русской, польской и чешской лингвокультуры) // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2008. № 1 (3). С. 181–189.
24. Малахова С.А. Личностно-эмоциональные концепты «Гордость» и «Стыд» в русской и английской лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 22 с.
25. Душенкова Т.Р. Понятия стыд и совесть в удмуртской лингвокультуре // Ежегодник финно-угорских исследований. 2012. № 4. С. 23–30.
26. Иванцова Е.В. Выбор объектов и источников изучения диалектной языковой личности // Демешкина Т.А., Тубалова И.В., Волошина С.В., Иванцова Е.В. Новые направления в русской диалектологии: Массовый открытый онлайн-курс. Томск : ТГУ, 2017. URL: <https://mooc.tsu.ru/ru/?courses=новые-направления-в-русской-диалектологии> (дата обращения: 24.06.2020).
27. Волкова Н.А., Ганичева С.А., Загуменнов А.В., Ильина Е.Н., Мельникова Н.Г. Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета. Вологда; Череповец : Череповец. гос. ун-т, 2017. 232 с.
28. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
29. Вершининский словарь / гл. ред. О.И. Блинова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. Т. 6. 454 с.
30. Словарь синонимов сибирского говора / [авт.-сост.: О.И. Блинова, М.Э. Гавар, М.А. Толстова; под ред. О.И. Блиновой]. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 454 с.
31. Попова З.Д., Стернин И.А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Антология концептов. Волгоград : Парадигма, 2005. Т. 1. С. 7–10.
32. Калиткина Г.В. «Стара, вот и рассказую всё...»: Дискурсивный корпус традиции и жанр «передача традиционной этики» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 4 (42). С. 22–43.
33. Ильин Е.П. Психология совести: вина, стыд, раскаяние. СПб. : Питер, 2016. 288 с.
34. Гынгазова Л.Г. Интерпретационный потенциал соматизмов в описании картины мира языковой личности диалектоносителя // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009. № 1 (5). С. 13–21.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 31 октября 2020 г.

Representation of the Concept “Shame” in Female Autobiographical Discourse (On the Material of Dialect Communication)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 461, 30–37.

DOI: 10.17223/15617793/461/4

Svetlana V. Voloshina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vsv1304@yandex.ru

Maria A. Tolstova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tolstova_11@mail.ru

Keywords: shame; concept; autobiographical story; gender; discourse; dialect; Middle Ob dialects.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-412-700001p_a.

The article aims to describe the concept “shame” (*styd*) in female dialect autobiographical discourse. The source of the research is the Tomsk Dialect Corpus that includes textual materials of dialectological expeditions to the villages of the Middle Ob basin from 1947 to 2019. The informants are women aged 55 years and over. A concept is a unit of consciousness that is represented by means of language. The conceptual, figurative and axiological components of the concept “shame” are analyzed. The gender factor is considered as one of the parameters that can determine the specifics of ideas about shame. “Shame” is one of the key concepts of culture. Its specificity is explained by the complexity of the phenomenon of shame, its social and psychological nature, its connection with human socialization, its dependence on cultural and historical factors, and its representation by verbal and non-verbal means. The units that represent the concept are shame (*styd*) and its derivatives: *stydoba* (shame), *stydovishche* (shame), *stydno* (shamefully), *stydit’* (to shame), *stydlyvyy* (shamefaced), etc.; and lexical units: *pozor* (disgrace), *kleymo* (stigma), *sram/stram* (shame), *stramota* (shame), *styd-stram* (shame), *sovestit’sya* (to be ashamed), *pozorit’sya* (to disgrace oneself), *stramit’* (to shame), *krasnet’* (to blush), etc. There are also contexts in which the situation of shame is presented, but there are no special denominations for this. The research has revealed that, in the peasant culture, shame is considered as embarrassment, awkwardness, and disgrace, which are closely related to the physical, bodily component of a person. The appearance of a woman, her physiological characteristics, her behavior, her relationship with men, her unwillingness to work and do her household chores are most often shamed. The concept “shame” is associated with the concepts “guilt”, “man”, “woman”, “family”, “work”, “death”, “life”, “wealth”, “clothing”, etc. Shame is interpreted metaphorically as fire, something that covers, envelops a person; the intimate parts of the body are also called “shame” in the dialect culture. The transformation of ideas about shame is explicated using the comparative constructions “earlier . . . now” and “then . . . now”. Representatives of the older generation compare themselves with the modern generation, and shame can be one of the criteria for this comparison. Shame is a value-based emotion, which can be used to determine the values that exist in society. The change in attitudes to shame is due to temporal and spatial changes: what was previously thought shameful may cease to be such in another era. The spaces of the city and the village develop their own norms: what is shameful for the villager is not necessarily shameful for the city dweller.

REFERENCES

1. Izard, C. (1999) *Psikhologiya emotsiy* [The psychology of emotions]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.
2. Il'in, E.P. (2001) *Emotsii i chuvstva* [Emotions and feelings]. St. Petersburg: Piter.
3. Gornaeva, S.V. & Smotrova, T.N. (2012) Specific Experience of Guilt and Shame Among Individuals With Different Social-Psychological Characteristics. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem – Russian Journal of Education and Psychology*. 3. p. 28. (In Russian).

4. Danilova, Yu.N. (2014) Universalii "sovest'", "vina" i "styd" v refleksii russkoy filosofii [The universals "conscience", "guilt" and "shame" in the reflection of Russian philosophy]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Chelyabinsk State University Bulletin*. 17 (346). pp. 141–145.
5. Gornaeva, S.V. (2012) Guilt and Shame in the Context of Psychological Regulation of Social Behavior of the Person. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The World of Science, Culture and Education*. 2 (33). pp. 47–49. (In Russian).
6. Gergilov, R.E. (2014) The Cultural Determinants of Shame. *Observatoriya kul'tury – Observatory of Culture*. 6. pp. 62–72. (In Russian). DOI: 10.25281/2072-3156-2014-0-3-107-114
7. Smotrova, T.N. & Gritsenko, V.V. (2014) The Methodological Foundations of Cross-Cultural Research of the Phenomena of Guilt and Shame as Regulators of Social Behaviour. *Lichnost', sem'ya i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psikhologii*. 46. pp. 191–198. (In Russian).
8. Bogolyubova, O.N. & Kiseleva, E.V. (2015) Experiencing shame: a qualitative analysis of shame narratives. *Vestnik SPbGU. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika – Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Education*. 1. pp. 38–52. (In Russian).
9. Karaseva, E.V. (2018) Sense of Shame as a Regulator of Human's Social Behaviour (by the Material of M. M. Prishvin's Novel "The Chain of Kashchey"). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 12–3 (90). pp. 529–532. (In Russian). DOI: 10.30853/filnauki.2018-12-3.22
10. Smotrova, T.N. & Chaplygina, A.A. (2018) Vina i styd kak regulatory sotsial'nogo povedeniya [Guilt and shame as regulators of social behavior]. In: Kashitsyna, L.V. (ed.) *Aktual'nye problemy bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti i fizicheskoy kul'tury* [Topical issues of life safety and physical culture]. Saratov: Saratov State University. pp. 224–230.
11. Benedict, R. (2004) *Khrizantema i mech* [The chrysanthemum and the sword]. Translated from English. Moscow: Ros. polit. entsiklopediya.
12. Plekhanova, L.P. (2018) [Shame and fear as key concepts of the Russian linguistic picture of the world and moral categories of national-cultural consciousness]. *Pridite ko mne vse truzhdayushchiesya i obremennennye, i Ya uspokoyu vas. Zadonskie Svyato-Tikhonovskie obrazovatel'nye chteniya* [Come to Me, all those toiling and being burdened, and I will give you rest. Trans-Don St. Tikhon's educational readings]. Proceedings of the 13th International Forum. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University. pp. 137–140. (In Russian).
13. Stefanenko, T.G. (2000) *Etnopsikhologiya: uchebnik* [Ethnopsychology: textbook]. Moscow: In-t psikhologii RAN; Akademicheskii proekt.
14. Malakhova, S.A. (2008) Semanticheskaya struktura kontsepta "stydy" v russkom poeticheskom diskurse [Semantic structure of the concept "shame" in Russian poetic discourse]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie – Bulletin of Adyghe State University. Series 2: Philology and Art History*. 6. pp. 80–85.
15. Sklyar, E.S. (2008) Sravnitel'naya kharakteristika kontseptov "smushchenie" i "stydy" v poeticheskikh tekstakh A.A. Feta i F.I. Tyutcheva [Comparative characteristics of the concepts "embarrassment" and "shame" in the poetic texts of A.A. Fet and F.I. Tyutchev]. *Kurskoe slovo*. 5. pp. 61–67.
16. Krasavskiy, N.A. (2014) Emotsional'nyy kontsept "Stydy" v romane Roberta Muzilya "Dushevnye smuty vospitannika Terlesa" [The emotional concept "shame" in Robert Musil's "The Confusions of Young Törless"]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 10 (95). pp. 91–95.
17. Kolmogorova, A.V. (2014) Konkurentsia i konflikt slozhnykh kontseptov Gordost' i Styd kak kognitivnyy bazis strategii diskreditatsii v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii [Competition and Conflict of Complex Concepts Pride and Shame as the Cognitive Basis of a Discrediting Strategy in Contemporary Political Communication]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 1 (47). pp. 76–83.
18. Pogrebnyak, Yu.V. & Van', S. (2016) Structural and semantic features of the concept "shame" in the Russian and Chinese linguistic cultures (based on proverbs, sayings and phraseological units). *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 9–10 (113). pp. 96–100. (In Russian).
19. Antonova, L.E. (2007) Yazykovoe voploshchenie diskomfortnykh emotsiy v sovremennom russkom yazyke (na primere styda i somneniya) [The linguistic expression of uncomfortable emotions in the modern Russian language (on the example of shame and doubt)]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 17 (43–1). pp. 21–27.
20. Men'shikova, S.I. (2007) Kontsept psikhicheskogo sostoyaniya "Stydy" i verbal'nye sredstva ego vyrazheniya [The concept of the mental state "shame" and the verbal means of its expression]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya – Herald of Tver State University. Series: Philology*. 7. pp. 56–65.
21. Malakhova, S.A. (2008) Sinonimicheskii ryad kontsepta "Stydy" v russkom yazyke [The synonymous group of the concept "shame" in the Russian language]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 2–3. pp. 147–149.
22. Dzhenskova, E.A. (2005) *Kontsepty "Stydy" i "Vina" v russkoy i nemetskoy lingvokul'turakh* [Concepts "shame" and "guilt" in Russian and German linguacultures]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.
23. Stefanitskiy, E.E. (2008) Styd kak osobyiy vid irratsional'nogo strakha (na materiale russkoy, pol'skoy i cheshskoy lingvokul'tur) [Shame as a special type of irrational fear (based on the material of Russian, Polish and Czech linguacultures)]. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya*. 1 (3). pp. 181–189.
24. Malakhova, S.A. (2009) *Lichnostno-emotsional'nye kontsepty "Gordost'" i "Stydy" v russkoy i angliyskoy lingvokul'turakh* [Personal-emotional concepts "pride" and "shame" in Russian and English linguacultures]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.
25. Dushenkova, T.R. (2012) The concepts of "shame" and "conscience" in Udmurt linguoculture. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy – Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 4. pp. 23–30. (In Russian).
26. Ivantsova, E.V. (2017) Vybor ob'ektov i istochnikov izucheniya dialektnoy yazykovoy lichnosti [The choice of objects and sources of studying the dialectal language personality]. In: Demeshkina, T.A., Tubalova, I.V., Voloshina, S.V. & Ivantsova, E.V. (2017) *Novye napravleniya v russkoy dialektologii: Massovyy otkrytyy onlayn-kurs* [New Directions in Russian Dialectology: Massive Open Online Course]. Tomsk: Tomsk State University. [Online] Available from: <https://mooc.tsu.ru/ru/?courses=novye-napravleniya-v-russkoy-dialektologii> (Accessed: 24.06.2020).
27. Volkova, N.A. et al. (2017) *Narodnaya rech' Vologodskogo kraia: opyt muzhskogo rechevogo portreta* [Folk speech of the Vologda region: the experience of a man's speech portrait]. Vologda; Cherepovets: Cherepovets State University.
28. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: person, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.
29. Blinova, O.I. (ed.) (2002) *Vershininskiy slovar'* [Vershininsky dictionary]. Vol. 6. Tomsk: Tomsk State University.
30. Blinova, O.I. (ed.) (2016) *Slovar' sinonimov sibirskogo govora* [Dictionary of synonyms of the Siberian dialect]. Tomsk: Tomsk State University.
31. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2005) Osnovnye cherty semantiko-kognitivnogo podkhoda k yazyku [The main features of the semantic-cognitive approach to language]. In: Karasik, V.I. & Sternin, I.A. (eds) *Antologiya kontseptov* [Anthology of concepts]. Vol. 1. Volgograd: Paradigma. pp. 7–10.
32. Kalitkina, G.V. (2016) Old I am, so keep telling everything": the discursive corpus of tradition and the genre "communication of traditional ethics". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (42). pp. 22–43. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/42/3
33. Il'in, E.P. (2016) *Psikhologiya sovesti: vina, styd, raskayanie* [The psychology of conscience: guilt, shame, remorse]. St. Petersburg: Piter.
34. Gyngazova, L.G. (2009) Interpretational Potential of Somatisms in Describing World Pattern of Dialect Speaker's Linguistic Personality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (5). pp. 13–21. (In Russian).

Received: 31 October 2020